

нение в предательстве интересов страны и народа:

Племянник, если б правил ты вселенной,
Позорно было б сдать наш край в аренду;
Но если край наш — всё, чем ты владеешь,—
Не больше ль чем позор его позорить?

Эти многозначительные слова были произнесены актером, игравшим роль Гонта, с гневной, обличающей силой. Они, эти слова, так перекликались с сегодняшним днем, что в зале настала тишина, и мы все отчетливо расслышали, как где-то в дальних рядах глубоко и взволнованно вздохнула женщина.

ему добиваться чудесного контакта с аудиторией, как бы сливая воедино артистов и зрителей.

У необыкновенного театра лондонской окраины короткая, нелегкая и в то же время большая и интересная судьба. После окончания второй мировой войны два энтузиаста сценического искусства — молодая талантливая женщина-режиссер Джоан Литтлвуд и начинающий и тоже необыкновенно талантливый драматург шотландец Юэн Маккол — загорелись мыслью создать театр для народа, который, будучи вполне современным в лучшем смысле этого слова, возродил бы великие традиции старых английских народных театров. В манифесте, провозглашенном зачинателями,

полученные в награду, и пособие по демобилизации на покупку самого необходимого оборудования.

Так началась история артистического коллектива, который и сейчас продолжает носить скромное название — «Театральная мастерская», но который вопреки названию вырос за десять лет в театр, представляющий собой одно из самых ярких явлений в современном британском искусстве.

Почти восемь лет «Театральная мастерская» не имела даже своего постоянного помещения. Коллектив вел кочевой образ жизни, разъезжая из города в город, из одного шахтерского поселка в другой. Как это было трудно, можно понять хотя бы по тому, что в репертуаре его с первых же дней были пьесы Шекспира, Мольера, требующие сложных декораций и аппаратуры. Однажды труппе повезло. Где-то по дешевке продавался огромный старый грузовик, построенный чуть ли не на заре автомобилестроения. Сложив наличные средства, для чего всем пришлось в буквальном смысле выворачивать карманы, кое-что продав, труппа купила этот грузовик. На него, помимо, так сказать, личного состава театра, нагрудничали декорации, оборудование, костюмы и весь багаж артистов. В таком виде театр и двинулся в турне по горняцким поселкам и деревням Южного Уэльса, а потом по извилистым дорогам Дергемского угольного бассейна.

Это трудное, самоотверженное путешествие вознаграждалось тем, что театр неизменно выступал в переполненных залах. Может быть, впервые с далеких шекспировских дней настоящее, большое искусство появилось в закопченных шахтерских поселках и деревнях Англии. И хотя газеты упорно замалчивали театр, устная слава опережала громадный уродливый грузовик, двигавшийся по дорогам. Местные профсоюзы помогали организовывать постановки, зрители встречали актеров с распростертыми объятиями.

Но материальные дела театра попрежнему были не в блестящем состоянии. Медяков и никелей, которые коллектив выручал за дешевые билеты, за вычетом организационных и дорожных расходов едва хватало на питание артистов. Вся труппа страдала от недоедания, люди теряли силы.

Между тем о театре, мастерам которого в Англии порой в буквальном смысле этого слова нечего было есть, уже создавалась европейская слава. Его начали приглашать на гастроли сперва в Чехословакию, затем в Швецию и другие скандинавские страны. Это помогло коллективу собирать средства для осуществления следующих постановок.

Совершенствуя свое мастерство, театр все время обогащал и свой репертуар. Помимо авторов, о которых я уже упоминал, в его репертуаре появились Гоголь, Чехов, Шоу, О'Кейси. Особую роль в формировании лица театра сыграли пьесы одного из его руководителей, Юэна Маккола: «Уран-235» и «Путешественники». Последняя широко известна у нас на советской сцене под названием «Поезд можно остановить». Боевые, страстные, покоряющие своим гражданским звучанием и жизнеутверждающим драматизмом, пьесы эти звучат как боевой призыв к людям доброй воли — схва-

тит за руку поджигателей войны, не дать разгореться новому военному пожару!

Пьесы Юэна Маккола находят живейший отклик в сердцах британцев и за границей. И хотя «большая» печать Англии, как правило, встречает их враждебно, а в иных английских газетах звучали даже призывы запретить показ «Путешественников», являющихся «вызовом нашим американским союзникам», хотя театральные агентства отказывались распространять билеты на эти постановки, а власти иной раз запрещали даже расклеивать афиши, люди валом валили на спектакли. Чтобы удовлетворить всех жаждущих, театру приходилось играть по два спектакля в день. Шахтеры, текстильщики, машиностроители нанимали автобусы и грузовики и из далеких поселков ехали на представления.

На восьмом году существования театру наконец удалось получить постоянное помещение в Ист-энде — сердце рабочего Лондона. Поклонники театра, рабочие разных профессий — маляры, столяры, штукатуры — бесплатно в нерабочее время и в дни отдыха выполнили необходимый ремонт. Пресса продолжала блокировать театр молчанием. Первые две недели постановки шли в пустом зале: на них приходило по десять — пятнадцать зрителей. Материальные дела театра настолько ухудшились, что части его актеров в летнее время пришлось идти батраками на фермы, чтобы добыть средства для постановок.

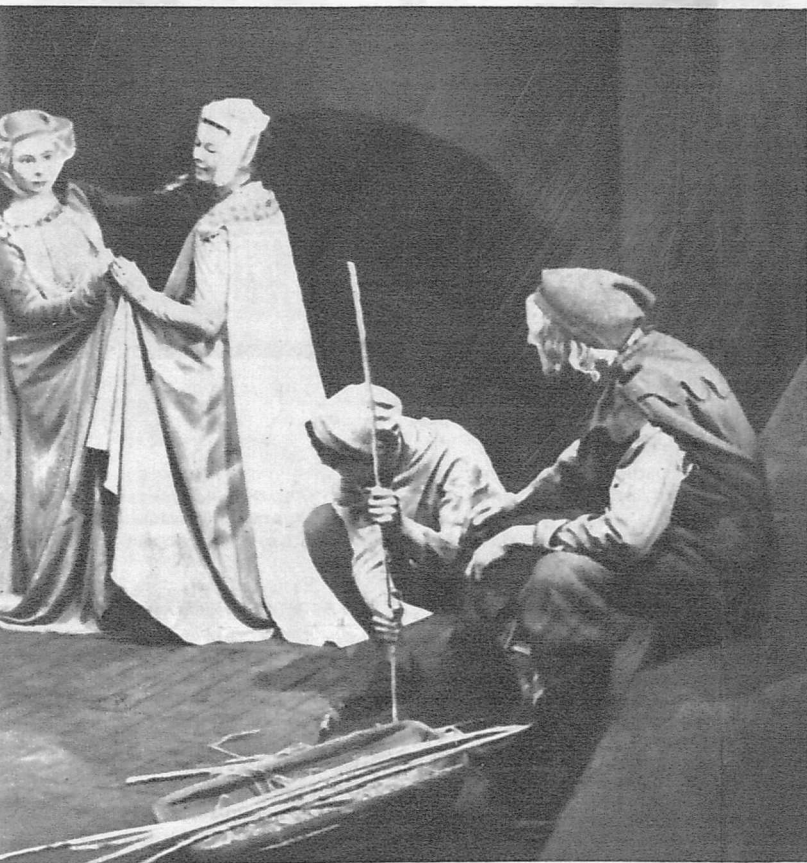
Но любовь коллектива к родному, новому искусству преодолела испытания. Слава о новом театре на лондонской окраине, передаваемая из уст в уста, продолжает расти. Когда мы смотрели «Ричарда II», прошло уже более трех месяцев после премьеры. Но зал все так же был переполнен. Нам с трудом удалось купить билеты. Нетрудно было увидеть, что у театра уже имеется масса друзей, которые считают его работу своим делом, его искусство — чем-то своим, близким.

— Я знаю, что вы приехали из страны лучших в мире театров, и все же советую вам: будете в Лондоне, обязательно сходите в «Театральную мастерскую», не пожалеете, — напутствовал, провожая нас из Эдинбурга, известный шотландский поэт.

— Вам бы посмотреть «Путешественников» в нашем театре, вот бы вы увидели настоящее искусство! — говорил шахтер, большой любитель поэзии, с которым мы познакомились на бернских торжествах.

— Когда после всех этих американизированных пьес смотришь постановки «Театральной мастерской», чувствуешь, будто жуешь кусок хорошего мяса после того, как тебя долго кормили опилками, — сказал нам зубной врач, с которым мы вместе после спектакля добивались с окраины в центр Лондона.

И это так. Нечто значительное, яркое и необыкновенно своеобразное в искусстве родилось здесь, на лондонской окраине. И так как английская «большая пресса» продолжает замалчивать рождение этого нового в искусстве, то я, отвечая на призыв режиссера Джоан Литтлвуд рассказать об их театре самым близким друзьям, рассказываю о нем читателям «Огонька».

Сцена в саду герцога Йоркского. Королева, подслушав разговор слуг, узнает о судьбе Ричарда.

Ты — Англии помещик,
не король;
Венец твой — раб арендных договоров...

продолжал на сцене умирающий старец, и в оцепеневшем зале, захваченном, околдованном силой актерского мастерства, уста завороченно шептали: «Э-э!», то есть «Да, да!»

Ясно было, что, мастерски воскрешая события и образы давно минувших дней, театр, как это было во времена Шекспира и Джонсона, откликался на сегодняшние чувства, мысли и заботы англичан, на ту большую боль, с которой гордый народ переживает сейчас, десять лет спустя по окончании войны, оккупацию британских островов американскими войсками. Театр откликался на ту тревогу, которую вызвало в сердцах истых патриотов Великобритании санкционирование правительством вооружения вчерашних эсэсовцев...

Это активное, бесстрашное вторжение театра в современную жизнь, должно быть, и помогает

так и писалось: «...Мы хотим создать театр живого языка, театр, который не боится звука собственного голоса и который будет говорить об обществе так же бесстрашно, как это делали Бен Джонсон и Аристофан».

Новый театр, по мысли его учредителей, должен быть кооперативным содружеством всех работающих в нем: режиссеров, актеров, драматургов, технического персонала. Он должен нести рабочим не дрянные, дешевые режю, которыми сейчас засорен репертуар мюзик-холлов на окраинах британских промышленных городов, а настоящие сокровища национальной и мировой драматургии.

Организаторы театра и тогда хорошо отдавали себе отчет, что такая их платформа в современной Англии не сулит ни шумного успеха, ни тем более денег. Они знали, что их будут травить, а труд их будут замалчивать. Но сама мысль создать театр для народа захватила не только его организаторов, но и передовую театральную молодежь. Пятеро солдат и офицеров, вернувшихся с войны к своей мирной артистической профессии, вступая в труппу, отдали коллективу свои деньги,